

Глава 21. Свиток ухода из мира

Требование было вполне разумным. В конце концов, кто в здравом уме решится лезть в тёмное дело, когда перед глазами стоит страшный пример — вырезанная под корень семья Цзян? Цзян И постарался успокоиться и в подробностях изложил троим попутчикам всё, что ему было известно.

В один самый заурядный день на пороге усадьбы объявились крайне незаурядные гости. Они потребовали личной встречи с главным сопровождающим — отцом Цзян И, Цзян Чэном. Гости без лишних слов выкатили два тяжелых сундука, доверху набитых золотом. Такой щедрый жест, разумеется, переполошил всю усадьбу. Господин Цзян лично вышел поприветствовать визитёров и поинтересовался, какой груз требуется доставить. Незнакомцы, не отличавшиеся вежливостью, коротко бросили, что нужно перевезти небольшой ларец в императорскую столицу Нэцзин, на север. Там товар встретят.

Платить два сундука золота за доставку крошечной шкатулки? Цзян Чэн сразу почуял неладное. Он настоял на осмотре груза. Заказчики поначалу заартачились, но хозяин дома отрезал: без предварительного осмотра бюро за работу не возьмётся.

Предводителю гостей пришлось уступить. Потребовав отослать лишних людей, он приоткрыл ларец. Цзян И, как наследник дела, разумеется, остался в комнате вместе с отцом. Внутри лежал совсем крошечный свиток с рисунком. Однако рассмотреть детали отец с сыном не успели — гость тут же захлопнул крышку.

Золото было принято, товар осмотрен, и сделка состоялась. Глава бюро лично отобрал лучших мастеров из числа охраны. Однако едва караван покинул ворота усадьбы, как на Цзян Чэна навалилась тяжёлая тревога. Несколько дней он не находил себе места. Сын не понимал причин такого беспокойства и однажды прямо спросил, к чему изводить себя. За долгие годы их семья перевезла немало сокровищ, перевидала редчайшие диковины Поднебесной — стоило ли так волноваться на этот раз?

Цзян Чэн лишь качал головой, повторяя, что юноша ничего не смыслит и что во всём этом кроется какой-то подвох. Предчувствие его не обмануло. Едва груз покинул Южную столицу и пересёк границу северных земель, так и не добравшись до Императорской столицы, пришла весть: на караван совершено нападение. Единственный выживший, сумевший чудом добраться назад, поведал страшное. Нападавшие двигались с пугающей точностью и быстротой — это были не обычные разбойники из лесов, а натренированные убийцы, за которыми явно стояла тайная, могущественная сила. На бескрайних просторах цзянху нет ничего опаснее таких безликих, скрытых в тени орденов.

К тому же налётчики действовали с неопишуемой жестокостью: все защитники каравана были зверски изувечены, лишены рук и ног. Но больше всего старого главу ужаснуло другое — у каждого из погибших охранников были выколоты глаза.

Подобная дьявольская жестокость и вся эта таинственная история лишили искушённого в

делах Цзян Чэна покоя. Но долг обязывал сообщить о случившемся нанимателю. Как и следовало ожидать, тот и слушать ничего не пожелал, заявив, будто люди из бюро сами прибрали сокровище к рукам и инсценировали ограбление.

Глава бюро пытался мирно уладить спор, но всё же подстраховался: созвал в резиденцию лучших наёмных бойцов и отдал приказы тайным опорным пунктам приготовиться к худшему. И беда грянула. Переговоры с заказчиком провалились, последовал полный разрыв. Всего за одну ночь кровавая расправа стёрла с лица земли усадьбу с вековой историей. Ценой жизни всех защитников и домочадцев удалось спасти лишь одного человека — наследника, Цзян И.

Рассказывая об этом, Цзян И разрыдался. Перед глазами вновь встало лицо отца, толкающего его в темноту потайного хода. Тот последний взгляд, полный невыразимой скорби, отчаяния, отеческой любви и предостережений, которые старик так и не успел произнести вслух.

Тяжёлая плита разделила не просто отца и сына — она пролегла границей между жизнью одного человека и смертью более чем сотни его сородичей.

— Я бежал без оглядки, — выдавил беглец сквозь слёзы. — Но враги шли по пятам, опустошая наши тайные приюты. Я метался как затравленный зверь, а преданные мне люди гибли один за другим, заслоняя меня своими телами.

В голосе едва перешагнувшего двадцатилетие юноши сквозила мертвенная, глубокая усталость.

— Значит, пока ты пробирался сюда, все, кто пытался укрыть тебя на промежуточных станциях, были вырезаны? — уловив суть происходящего, нерешительно уточнил Си Кунчэнь.

— Да, — Цзян И низко опустил голову. Слёзы безостановочно катились по его щекам. Говорят, настоящие мужчины не плачут, но сейчас ему было плевать. Хотелось выть в голос. Если бы не жажда мести, он давно бы уже лежал в одной могиле со всей своей роднёй.

«Кто же обладает столь чудовищным могуществом?» — мысленно спросил себя Си Кунчэнь, задумчиво потирая подбородок. В глубине его глаз на мгновение вспыхнул странный огонёк, смесь тревоги и подозрения.

— Моя жена... мы ведь поженились всего полгода назад! Она носила под сердцем нашего первенца! — при воспоминании о супруге и нерождённом младенце Цзян И задрожал. Он вцепился пальцами в волосы, содрогаясь всем телом, а затем зашёлся в безумном, полном невыносимой боли крике.

— Что с ним?! — испуганно воскликнул Бай По.

Только что парень говорил вполне связно, и вдруг рухнул на пол, забившись в истерику.

Ван Шо быстро взглянул на бьющегося в судорогах несчастного и негромко скомандовал:

— Перекрой ему точку Юньчжун!

Си Кунчэнь среагировал мгновенно. Точным движением он вонзил палец в нужное сплетение, и юноша на полу постепенно затих.

— Брат Цзян, тебе легче?

Цзян И лежал неподвижно, не в силах вымолвить ни слова. Он смотрел в потолок каюты остекленевшим, пустым взглядом.

— Скажи, зачем ты держишь путь в Ваньчэн? — поспешил спросить Си Кунчэнь, видя, что к раненому возвращается рассудок.

— В Ваньчэне живут Су... семья моей покойной супруги, — еле слышно, на пределе сил выдохнул беглец. — Помочь мне отомстить теперь могут только они.

Си Кунчэнь не стал расспрашивать дальше. Обменявшись выразительными взглядами с Бай По и Ван Шо, он молча направился к выходу из каюты.

Оказавшись на палубе, Си Кунчэнь весело усмехнулся и сделал приглашающий жест в сторону юношей:

— Не желаете ли составить мне компанию и немного побеседовать? — он посмотрел на изящную беседку-павильон на верхней палубе.

Бай По равнодушно передёрнул плечами, а Ван Шо промолчал, никак не выдав своего согласия.

Не дожидаясь долгих уговоров, Си Кунчэнь уверенным шагом направился к беседке и первый опустился на скамью. Спутники, успевшие за время пути немного привыкнуть друг к другу, без лишних церемоний последовали его примеру. Некоторое время в павильоне царило молчание. Наконец Си Кунчэнь заговорил первым.

— Доводилось ли вам слышать об уничтожении семьи Цзян из Южной столицы месяц назад? — прямо перешёл к сути дела Си Кунчэнь.

Бай По промолчал, а Ван Шо лишь едва заметно качнул головой.

Такое неведение ничуть не удивило юношу в фиолетовом. Со вздохом он продолжил:

— Эта семья считалась одной из самых влиятельных в Южной столице Великой Чжоу. Целое столетие они держали охранное бюро. Разумеется, за такой срок врагов у них прибавилось, но с теми, кто обладает реальной силой и властью, они всегда вели себя предельно осторожно. Нажить столь смертоносных недоброжелателей они просто не могли.

— До меня доходили смутные слухи, будто на них обрушилась кара из-за какой-то ценной вещицы, и что уцелеть удалось лишь старшему сыну. Кто же знал, что мы столкнемся с ним нос к носу? — он горько усмехнулся. Связываться с чужими кровавыми тайнами никому не хотелось.

— Впрочем, кто бы ни стоял за этой бойней, к нам это прямого отношения не имеет.

При этих словах Ван Шо наконец проявил эмоцию. Он окинул щеголеватого собеседника внимательным, полным скрытого любопытства взглядом.

Заметив насмешку в глазах молчаливого спутника, Си Кунчэнь ничуть не смутился:

— Я вовсе не святой угодник, готовый спасать каждого встречного, — беззаботно парировал он.
— Можешь презирать меня сколько угодно, брат Ван, но собственная шкура мне куда дороже.

Ван Шо спорить не стал, лишь опустил глаза, задумчиво вертя в руках пиалу. Бай По, лукаво переводя взгляд с одного на другого, вдруг весело расхохотался:

— А мне нравится твоя честность, брат Си!

Впрочем, этот комплимент едва ли порадовал Си Кунчэня. По какой-то причине на душе у него сделалось чертовски неловко.

Бай По с малых лет рос в Секте Таинства, где смерть была привычным делом, поэтому на сострадание он смотрел исключительно сквозь призму личной выгоды.

Си Кунчэнь мгновенно посерьёзnel:

— Вот только боюсь, просто так от этой истории нам уже не откреститься. Парня мы подобрали, и выбросить его за борт теперь не поднимется рука. А те, кто охотится за ним, не знают пощады. Они нанесли удар столь молниеносно, что ордена Срединной равнины даже опомниться не успели. Стереть с лица земли все опорные пункты по пути его бегства... С такими хищниками шутки плохи. И то, что они обратят взор на нашу посудину — лишь вопрос времени.